

МАКСИМ КАРТ

Антиген

ПОВЕСТЬ

Максим Карт
Антиген. повесть

«Издательские решения»

Карт М.

Антиген. повесть / М. Карт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749081-2

Плохо, когда ты понимаешь, что являешься подопытным кроликом, и смертельно опасные эксперименты проводятся над тобой помимо твоей воли. Ещё хуже, если ты узнаёшь, что к этому приложил руку твой отец...

ISBN 978-5-44-749081-2

© Карт М.
© Издательские решения

Антиген повесть

Максим Карт

© Максим Карт, 2017

ISBN 978-5-4474-9081-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Когда с моей головы сорвали вязаную шапочку, прикрывавшую мне глаза, я вздохнул с огромным облегчением и захлебнулся воздухом, который пах больницей. В меня вонзились лучи горячего света. Я попытался защититься от них ладонью, но мои руки были привязаны к креслу.

– Убавьте свет, идиоты! – взревел отец.

Сразу заметно потемнело. Я увидел лица столпившихся вокруг меня людей.

– Отойдите, болваны! – не унимался папа. – Ему ж дышать нечем!

Серьёзные дяди расступились.

Папа в белом халате врача. Я улыбнулся, потому что не мог представить его в роли доктора. Он махнул мне рукой, довольный, чего я не мог сказать о других. Они стояли рядом с ним и пялились на меня так, будто первый раз в жизни видели маленького мальчика. Может, их смущали мои привязанные к креслу руки? Но это ничего! Папа сказал, так надо для моей безопасности, чтобы я не покалечил себя. А ещё он сказал, мне надо сделать маленький укольчик для моего полного выздоровления. Только зачем? Больным я себя не ощущал. Ну и ладно. Он мой отец и знает больше меня.

Мы были в небольшой комнатке, очень похожей на зубокабинет, куда мама водила меня совсем недавно, чтобы мне удалили молочный зуб. Стены, покрытые плиткой цвета морской воды, блестели от чистоты. В удобном кресле можно было и заснуть. На меня смотрела большим зеркальным кругом многоглазая лампа, из которой лился приятный тёплый свет.

Отец склонился надо мной. Его лицо заросло щетиной.

– Тёма, послушай ещё раз, – сказал он. – Главное, не бойся. Сейчас я сделаю тебе укольчик, малюсенький такой. Ты проснёшься другим человеком, здоровым и сильным... Мы с мамой гордимся тобой. Антон, шприц!

Толстый дядя с недовольным лицом протянул папе наполненный маленький шприц с красной жидкостью. Отец, шёлкнув пальцем по игле, выпустил из неё остатки воздуха.

– Там кровь, пап? – спросил я настороженно.

– Нет, Тёма, лекарство. Мы ж не вампиры какие-то, чтоб пичкать своих детей кровью.

– А когда я увижу маму?

– Как только проснёшься. Она обещала испечь твой любимый яблочный пирог. Хочешь?

– Да. Только не кислый буду, с сахаром. А почему ты мне шапкой глаза закрыл?

– Ты не должен знать, куда я тебя привез, Тёма. Это будет наша с тобой тайна. Хорошо?

– Какая же это наша тайна, если её знаешь только ты?

– Настоящая военная тайна! Понял?

– Понял, пап.

Он поднёс шприц к моей руке. На кончике иглы висела капля красного цвета. В мой нос забрался едкий запах. Это дядя Антон протёр место укола влажной холодной ваткой. Игла вонзилась в меня. Я заплакал, хоть боль была и несильная.

– Тихо, тихо, – зашептал отец. – Не нужно слёз. Всё закончилось, Тёма. Ты победил. И мы вместе с тобой.

Он отдал пустой шприц Антону и залепил пластырем ранку на моей руке. Я закрыл глаза, чтобы побыстрее заснуть. Мне сильно-сильно хотелось превратиться в нового человека...

Я слышал возбуждённые мужские голоса, полные радости и надежды: «Мы сделали это... У меня есть тост... Да подождите с шампанским... Всё идёт гладко... За нашу победу!» Мне было приятно осознавать, что причиной их радости являюсь я. Я попытался улыбнуться, чтобы почувствовать себя причастным к их веселью, но не смог. Моё лицо превратилось в каменную маску, а тело начало наливаться запредельной силой. Мне захотелось крикнуть им: «Я родился! Супергерой!» Но я не в силах был сделать этого. Разочарование пришло с догадкой, что я уже сплю и вижу сон, сквозь который до меня доносились обрывки криков: «Антон, держи его... Он ломает кресло... О, чёрт... Сделайте успокоительное...» Потом голоса исчезли.

Я будто нырнул в жидкий кисель. Он засасывал меня. Мне не нравилась его тёплая вязкость. Время перестало существовать. Я проваливался в бездну, но был совершенно спокоен. Это погружение не могло длиться вечно. Рано или поздно плохому приходит конец, и оно уступает место хорошему. Это закон жизни. Ему меня научила мама, когда я, потеряв найденную на улице монету, почувствовал себя самым несчастным человеком в мире и расплакался как противная девчонка. Всё закончилось быстрее, чем я ожидал. Раздался хлопок, словно лопнул сильно надутый воздушный шар. Я увидел яркую вспышку белого света и, не успев зажмуриться, ослеп. Но слепота быстро прошла. Не заставив себя долго ждать, зрение вернулось ко мне, а вместе с ним и остальные чувства.

Сжимаясь и дрожа от промозглого воздуха, окружавшего меня плотным коконом, я брёл по узкой тропе, выстланной щебнем. Я с осторожностью ступал по ней, боясь пораниться об острые камни. Слева и справа от меня тянулись вдоль тропы каменные стены, верхушки которых скрывались в тумане. Каркали вороны. Но меня не пугала окружающая обстановка. Я боялся другого – подозрительного шума за своей спиной.

Там кто-то выл. Но точно не страдающий от голода серый волк. Вой был по-настоящему страшен. И он приближался ко мне.

Моё воображение сразу начало рисовать пёстрыми красками неведомое чудище. Его тело, непрерывно изменяясь, обрастало многочисленными частями, предназначенными только для убийства. И убивать они будут меня. Кровь застыла в моих жилах от ужаса. Я побежал сквозь туман, грудью разрывая его в клочья. Но поняв, что убежать от монстра у меня не получится, остановился. Я слишком мал по сравнению с огромной тушей, которая меня преследовала, и скоростью обладал соответствующей. Не уйти мне от него так. Оставалась только одна возможность спастись. Я полез на стену, запуская пальцы в щели между камнями. И был готов карабкаться на неё бесконечно. Но вдруг мои ноги соскользнули с каменного выступа, на котором я стоял и набирался сил для очередного рывка. Я повис на кончиках пальцев, мгновенно налившихся болью. Они были слишком слабы, чтобы долго удерживать меня в таком положении. Сорвавшись со стены, я рухнул вниз и упал на спину. Острые камни вонзились в неё иглами. Я взвыл от жгучей боли. Чудище отозвалось злобным рёвом. Оно было уже близко.

Я снова побежал, задыхаясь от волнения. В мои лёгкие словно засыпали раскалённого песка. Чудище не отставало. Спотыкаясь, я падал, но поднимался и опять ломился сквозь туман, не зная куда, не ведая, что ждёт меня за его густым занавесом. Каменные стены, тропинка и затянутое тучами небо были бесконечны. Они расплывались перед моими глазами. Ещё пара шагов и я остановлюсь. Один, два... Страх щёлкнул кнутом где-то позади меня, его кончик обжёг мне спину. Три, четыре... Он подстегнул меня и подкинул немного силёнок.

Я оглянулся, чтобы лишний раз убедиться, что монстр не приблизился ко мне, и увидел красный глаз. Он смотрел на меня сквозь туман. Он не прыгал вместе с телом чудища, а плыл ко

мне, словно оно парило над землёй. И моё воображение прилепило к его бокам перепончатые крылья дракона. Я мысленно приказал себе больше не смотреть назад.

Неожиданно стены расступились и потерялись в зарослях хвойных деревьев, а каменная тропинка нырнула под ковёр зелёной травы. Сделав ещё с десяток шагов, я остановился, окружённый густыми зарослями. Прислушался. Вороны больше не каркали. Меня окружала плотная тишина. А потом я услышал дыхание зверя за своей спиной...

Мне захотелось побежать. Но невысказанным образом я заставил себя успокоиться. И действительно, куда мне... Даже думать не хотелось об источнике моих страхов. Вокруг угрожающе шелестели ветвями старый лес. Мохнатые ели, склонившись надо мной, будто взяли за руки и приготовились закружиться в хороводе. А за деревьями ждал, когда я совсем потеряю рассудок, тот, кто дышал хрипло, скрываясь в тумане, и пронзал его красным светом своего единственного глаза. И меня совершенно не интересовало, к какой части его тела прилеплен этот глаз, к середине ли головы или к шерстяной груди. Я чувствовал, как он смотрит на меня, но сам не мог оглянуться и встретиться с ним взглядом, потому что точно знал результат этой встречи. Знал его и он. Как только я сойду с ума, он... он... Мурашки побежали по моей коже. Я сделал робкий шаг. Он зарычал и бросился на меня. Струйка мочи потекла по моей ноге...

Вывалившись из сна, я с отвращением ощутил горячую мокроту между ногами. Тут же одеяло слетело на пол. Рука пощупала промежность, спрятанную под влажными трусами. Я вытер ладонь о простынь и окончательно пришёл в себя.

В ванной увидел в зеркале смертельно уставшее существо с тёмными кругами под глазами и трёхдневной щетиной, покрывшей пухлые от не слишком здоровой диеты щёки. Любопытная рука поднялась лениво из невидимого низа и почесала заросли на лице. Побриться однако не нашлось сил. Подмигнув чудовищу, я отвернулся от него – не было времени строить друг другу глазки.

Сегодня меня ждала встреча с отцом. Я откладывал её сколько мог, хотел и вовсе отказаться от неё, но... Мне нужно было получить ответ на вопрос, терзавший меня с детства.

Тогда мне часто снилось, будто я слоняюсь по дому, не находя никакого смысла в этих хождениях. И в самый неожиданный момент, когда отчаяние полностью овладевало мной, появлялась мама. Она относила меня в кровать, целуя мой горячий лобик и тихонько напевая колыбельную про плюшевого мишку. И уходила, как только моя фальшивая бодрость уступала место зыбкому поначалу, но быстро набирающему крепость сну. Утром я всегда рассказывал ей о своих ночных похождениях, а она смеялась, впрочем внимательно слушая, и называла меня маленьким лунатиком.

Но однажды я перестал бродить впотьмах. Это случилось после того, как ко мне пришла Маша. Она строго-настрого запретила кому-либо даже намекать о своём существовании. Так и сказала: «Если расскажешь про меня, пожалеешь! Смерть за тобой тогда придёт!» И исчезла в темноте. Я заскулил. Сразу прибежала взволнованная мама. На все её казавшиеся такими естественными и безобидными вопросы я ответил, что мне приснилось страшное чудовище с большим красным глазом. По её взгляду я понял, она не верит ни единому моему слову. Однако угрозы девочки показались мне весомее мамино недоверия.

Кто она? Я не знал. Кажется, сначала она отметилась в моих мыслях, когда я пребывал на неощутимой границе между сном и реальностью. Заделала мой мозг безобидным смешком, за которым наверняка скрывалось доброе девчачье личико. Может быть, она хотела не испугать меня, а расположить к себе этим хохотком? У неё получилось. Я принял её.

А она вместо объяснений поделилась со мной загадкой: «Знаешь, Тёмка, ведь ты мой брат! Мне нужно быть с тобой, потому что родственные души притягиваются друг к другу помимо их воли. Они не могут существовать по отдельности». Я не придал значения её словам,

потому что знал, сестры у меня никогда не было, да и родители не раз говорили, что любимый сынуля – первый и последний ребёнок в их жизни.

Маша носила ночную рубашку розового цвета. На ней пятна от земли перемешивались с бурыми следами неизвестного происхождения, которые создавали, переплетаясь, окрас, наполненный замогильной тайной. Из бесформенной кучи её рыжих волос торчали сухие травинки и листочки. Она никогда не расчёсывалась и не одевала чистое, что не могло мне нравиться, но я не делал ей замечаний, жутко боясь обидеть её.

Как-то, просидев с полночи на краешке моей кровати, она сказала: «Ты должен слышать, что я говорю. И запоминать. Я закрыта. Вокруг темно и холодно. И сыростью сильно пахнет...» Затем она растворилась в ночи, оставив меня наедине со стрекотом сверчков, нёсшимся из приоткрытого окна. Я соскочил с кровати и захлопнул его. И долго не мог потом заснуть – крутился...

Я с трудом отогнал от себя неприятные воспоминания. В чём же их гадость, спросите вы? И своей настойчивостью нагоните на меня тоску. А мне не хочется поднимать муть со дна, понимаете, душок у неё отвратный. Но это не значит, что потом правда не раскроется во всей красе... Ну вот, в самокопании и забыл совсем, что нужно переодеть трусы.

Когда позвонили в дверь, я был готов в секунду сорваться с места и, без сожаления бросив своё логово, унестись на старенькой «шкоде» почти за три сотни километров туда, где мой отец, скорее всего, и не ждёт меня. Как давно мы не виделись. Мне кажется, я даже забыл точные очертания его лица. Когда же мы перестали общаться? Да и делали ли это, плывя параллельно по жизненной реке и лишь иногда пересекаясь в её круговертях?

Звонок настойчиво повторился. Кого принесла нелёгкая в такой ранний час? Я знаю только одного человека, кто предпочитает не нежиться в тёплой постели по утрам, а проявлять бурную деятельность, не обращая внимания на сладкое похрапывание окружающих. Благо, я уже не спал, а так бы послал этого человечка куда подальше и перевернулся на другой бок. Без особого желания я подошёл к двери и открыл её.

И услышал до боли знакомый голос, наполненный сожалением, перемешанным с диким нетерпением:

– Знаю, знаю, совершенно нет времени, как вы мне все надоели со своими проблемами, опять ты...

А потом увидел его прелестную обладательницу. Она стояла передо мной в довольно расслабленной позе, облокотившись о косяк, и чавкала жевательной резинкой. Её зелёные волосы взрывались искусственным беспорядком, а, как я знал, бесстыжие глаза скрывались за модными солнцезащитными очками. Я скользнул взглядом по её обтянутому розовым платьем стройному телу. На моём лице проявилась улыбка. Своим нарядом Рита, мягко сказать, слегка шокировала меня.

– Ты похожа на подзаборную проститутку, – сказал я, покончив с её осмотром.

– Знаю, знаю, – ответила она и выплюнула жвачку. – Не хочу, чтобы меня узнали твои долбанутые соседи.

– Почему же долбанутые? Вполне себе приличные старушата...

– Может, я всё-таки зайду? – спросила она, сорвав с носа очки. – Разговор есть.

Отступив вглубь квартиры, я посмотрел на глазок соседской двери. Старушата уже вовсю пялились в него, бодаясь морщинистыми лбами за место под солнцем. Я помахал им рукой. За дверью раздалось едва слышное шушуканье.

– Только недолго, – сказал я. – Я уезжаю и совершенно нет времени трепаться о всяком дерьме.

– Не думала, что жизнь со мной для тебя была подобна бултыханию в куче дерьма.

Сейчас она расплачется. Но мне всё равно. Я уже перестал реагировать на такие её приёмы. Поняв это, она сдержала слёзы. Мы так и стояли в прихожей, потому что пригласи я её дальше, неизвестно, чем всё закончится, а так – как бы ни о чём. Ну вычеркнул её из своей жизни, было за что, и точка. Только она так не считала.

– Зачем ты пришла?

– Артём, понимаешь, не могу без тебя, Ты тоже, думаю...

– Прекрати! – Я не желал слушать уже успевшие надоеть мне её философские рассуждения о счастье. – Что тебе нужно? Я не вернусь к тебе – это невозможно. И хватит меня преследовать! Исчезни из моей жизни!

– Зачем ты так? – На этот раз она всплакнула, но на меня это не подействовало. – Мы ведь можем быть счастливы... Дай мне хоть малюсенький шансик, и я докажу, что ты ошибаешься в своих выводах.

– Некогда мне раскидываться шансами. Их у меня и так осталось считанное количество... И, Рита, извини, мне действительно нужно ехать. Совершенно нет времени тут с тобой...

– Да пошёл ты! Зачем я на тебя вообще время трачу? Как с дитём малым сюсюкаюсь, а ты всё равно ничего не понимаешь или не хочешь понять. Я уйду сейчас, но рано или поздно ты вернёшься ко мне. Сам. А я ещё подумаю, принять тебя или нет!

Гордо вильнув задом, она удалилась, оставив меня наедине с любопытными соседями.

– Ну, чего уставились? – крикнул я им. Надо же, ей удалось разозлить меня. – Впервые наблюдаете за милыми семейными сценами? Ух я вам...

И хлопнул дверью.

Про дитё малое зря она напонила. Мои мысли соскользнули с нашей оживлённой беседы в прошлое, где я глупеньким мальчиком дружил не с Ритой, а с Машей...

Ласковое солнышко щекотало глаза. Белокожий, никак не поддающийся загару, я искренне радовался лёгкому ветерку, нисколько не страдая от колючей утренней прохлады. Моё оголённое до пояса худое тело покрылось мурашками, но я не одевал футболку со смеющимся Микки Маусом, а мужественно преодолевал зародыш холода – пустяковое препятствие на пути к взрослости: чтобы стать выносливым мужчиной нужно закаляться. Когда я резко нагнулся за игрушкой, из моего желудка поднялась отрыжка с привкусом овсянки: чтобы стать сильным мужчиной, нужно есть много полезной каши.

После прошедшего дня рождения ощущение резкой прибавки в росте не давало мне покоя. Едва проснувшись, я прислонился к дверному косяку, где папа делал фломастером волшебные метки, и убедился, что действительно подтянулся за ночь на чуть-чуть. Праздник, правда, немного грустный получился – без гостей обошлось, но я и не чувствовал в них особой потребности. Родители приучили меня практически не общаться со сверстниками. «Они все такие глупые, и ты, Тёма, без них легко обойдёшься в этой жизни». Я даже детский садик никогда не посещал – рос сам по себе.

Мне, конечно, тем дивным утром было не до мыслей о моём безнадёжном одиночестве. Ещё бы, папа привёз большую коробку с машинками и гаражом для них... «О нет, Молнию окружили враги! Их очень много, целых шесть! Здесь и Монстр, и грязный Кривун! Они позверски рычат, хотят наброситься на Молнию и побить его, а затем содрать блестящую краску с кузова и отломать ему колёсики! Но Молния не сдаётся! Он сильнее всех! Сейчас он как рыкнет! И будет великая битва. Рррр!»

Голос папы неожиданно вынырнул из пустоты, которой стал для меня весь мир:

– Тёма! Сок будешь пить? Клюквенный.

Отец стоял рядом с запотевшим бокалом в руке.

– Нет, пап! У меня от сока во рту кисло, – ответил я возбуждённо, не отрывая пальцев и глаз от Молнии.

– Как хочешь...

Он сам выпил сок и пошёл домой, жонглируя пустым бокалом.

Когда солнце запекло невыносимо, мне надоело возиться с машинками и захотелось спать. Глаза закрывались, налившись тяжестью. Оставив игрушки и майку на траве, я побрёл в свою комнату. Уткнулся лицом в подушку и мгновенно провалился в сон...

Не знаю почему мне взбрело в голову проследить за Ритой. Уточню, повода не было: в нашей приличной семье не находилось места бессмысленным склокам. Так почему же случилось то, что случилось? Я не нашёл ответа на этот вопрос до сих пор.

Я сказал ей, что появились какие-то срочные дела и мне надо отъехать на пару часов. Отгнав машину в ближайшую подворотню, я затаился там. С этой позиции моему взору открылся прекрасный вид на подъезд нашего дома, хотя меня самого с трудом можно было оттуда разглядеть. Чувствовал, Рита появится на улице сразу же. Магическое чутьё бурлило в моём сознании. И оно меня не подвело. Моя жена действительно выскочила из подъезда ровно через пятнадцать минут после меня. Я пошёл за ней, похожий на сексуального маньяка, который преследует очередную жертву. Только на самом деле никого убивать и насиловать я не собирался. Моё нутро клокотало и горело в нервном напряжении. Несколько раз я останавливал себя на мысли, что нужно подбежать к любимой женщине, схватить её за руку и остановить, не дать ей согрешить.

Мы шли по улице около получаса, неверная жена, летящая к месту совокупления с неизвестным мне мужчиной, и ревнивый супруг, не желающий спускать её с поводка. Я чётко слышал цокот её каблуков и бешеный стук своего сердца. Она шмыгнула в тёмный подъезд неказистой двухэтажки. Через несколько секунд в одном из окон на первом этаже вспыхнул свет. Окошко было прикрыто дешёвыми занавесками. Прильнув к грязному стеклу, я увидел в маленькую щель между серыми тюлями Риту.

Я не мог поверить в то, что она добровольно явилась в настоящий притон алкоголиков. На стены квартиры даже не были наклеены обои. Своей девственной наготой они пугали меня, но явно не Риту. На одной из них висел очень грязный ковёр, прогоревший ровно посередине. Возле окна стоял стол, укрытый вместо скатерти засаленной газетой. На нём – початая бутылка водки, куски хлеба, нарезанное толстыми ломтями ржавое сало и перья зелёного лука. На железной кровати сидели два мужика – старик лет шестидесяти и безусый юнец. То были настоящие уголовники в синих тренировочных штанах с голубыми татуировками по всему телу. Их головы блестели лысынями, а рты скалились беззубыми дёснами. Они курили помятые беломорины.

Они жадно разглядывали мою женщину. Но я уже потерял уверенность в том, что она принадлежит только мне. Старик сказал ей что-то. И она разделась перед ними до гола. Вдруг он заметил движение моего ставшего непослушным тела и пристально посмотрел в щель между занавесками. Я в ужасе отпрянул от окна. Дольше оставаться здесь не имело смысла. Совершенно невменяемый я побежал домой. Не хотел думать о том, что эти урки будут сейчас вытворять с Ритой, не желал слышать её объяснений и возможных оправданий. Мне хотелось одного – остаться наедине с неожиданно обрушившимся на меня горем.

Дома я залпом выпил стакан коньяка. Приятная теплота, разлившись по телу, немного успокоила меня, но лишь приглушила острую боль, которая терзала мою душу. Развалившись в кресле, я стал ждать Риту. Она вернулась через три часа, вполне довольная жизнью. И вела себя так, будто ходила в гости к лучшей подруге. Словом, про неё она мне и рассказала. Естественно, самое простое оправдание из всех возможных. Повела, как они пекли вдвоём суперпупер-торт, а весь процесс выпечки записывали на видео, чтобы потом выставить фильм в одну из социальных сетей. Протянула мне свой смартфон с предложением посмотреть, что у них там получилось и оценить уровень их мастерства. Я просмотрел видео с интересом, словно порно-

графический ролик. Девки действительно пекли торт. Вся нелепость сложившейся ситуации была в том, что на часах подружки Риты, случайно попавших в кадр, я разглядел дату, совпадавшую с сегодняшней, и время, когда моя жёнушка – я же видел своими глазами! – трясла грудями перед пьяными бандитами. Я ничего не понимал. Мне нужно было срочно успокоиться, чтобы принять верное решение относительно нашей дальнейшей судьбы.

Выпив ещё, я сказал Рите, чтобы она выметалась из моей квартиры. Она заплакала и, обозвав меня пьяной свиньёй, ушла. Вот так мы расстались. Знаю, она меня простила, но я... Запредельное пугает меня. Как девочка из моих детских видений...

Сон швырнул меня в казавшийся чужим мир грёз, хотя мне был знаком каждый его закоулок. Я как-бы проснулся – если можно назвать этим словом почти незаметный сдвиг в моём сознании – в своей комнате, которая не принадлежала мне. Сейчас это была обитель Маши. Она стояла посреди спальни и пристально смотрела на меня, в недоумении трущего ладонями заспанное лицо.

Она не шевелила губами, но я слышал её голос. Она хотела, чтобы я пошёл с ней. Я повиновался.

Не проронив ни слова, она потащила меня в дальний конец двора, где за ветхим домиком для инструментов, росла обильно плодоносившая крупными ягодами старая вишня. Маша крепко держала меня за руку, будто опасаясь, что я сбегу от неё. Я совсем не боялся. Её холодная и влажная ладонь пульсировала в такт сердцебиению. Прислушавшись к своим ощущениям, я понял, что пульсация шла от моего сердца, и влажной была моя ладонь. Мертвецкий холод отталкивал мою руку, но она не могла вырваться из смертельного объятия, крепко сжатая тисками пустоты.

Вишня чернела в лунном свете. Стоя под ней, я чувствовал себя микроскопической букашкой по сравнению с машущим ветвями живым деревом, соскользнувшим вдруг со страниц толстой книги, наполненной старыми русскими сказками. Мысль, что оно в конечном итоге разорвёт меня своими многочисленными руками, не давала мне покоя до тех пор, пока я не увидел Машу. Её взгляд вышиб из моего сознания то лишнее, что мешало мне сосредоточиться на достижении её цели.

Она посмотрела себе под ноги. Я, послушный её воле, проследил за её взглядом. Она сказала очень тихо, хоть её и так не услышал бы никто посторонний: «Я – там. Ты должен меня освободить. Сегодня ночью. Я помогу тебе». И провалилась под землю в том месте, где стояла. Моя ладонь сразу наполнилась теплом. Вместе с Машей ушёл и сон – броском сквозь темноту в солнечный день...

Открыв глаза, я осмотрелся. Надо мной шелестела листьями вишня, а тёплая земля, на которой я лежал, давила в спину острыми камушками. Я вскочил и побежал домой, оглядываясь, но Машу так и не увидел...

Машина урчала мотором, рассекая насыщенный весной воздух. Лившаяся из динамиков приятная музыка наполнила унылую тишину любвеобильной мелодией. Природа мелькала шикарными видами. Мне вдруг захотелось вдохнуть полной грудью чистого степного воздуха. Я опустил боковое стекло. Благоухание трав с хлопком ворвалось внутрь автомобиля. Я добавил громкости музыке, чтобы высоким звуком подчеркнуть своё настроение, взметнувшееся в необозримую высь. И вспомнил об утреннем визите Риты. Зачем приходила? Чего добивается? Анализировать не получалось. Пришлось силой выдавить мысли о бывшей жене из своего мозга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.